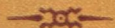

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

ХОЖДЕНИЕ
ПО
МУКАМ
трилогия

1946

книга вторая

Восемнадцатый год

В трех водах топлено, в трех кровях купано, в трех щелоках варено. Чище мы чистого.

I

Все было кончено. По опустевшим улицам притихшего Петербурга морозный ветер гнал бумажный мусор — обрывки военных приказов, театральных афиш, воззваний к «совести и патриотизму» русского народа. Пестрые лоскуты бумаги, с присохшим на них клейстером, зловеще шурша, ползли вместе со снежными змеями поземки.

Это было все, что осталось от еще недавно шумной и пьяной сутолоки столицы. Ушли праздные толпы с площадей и улиц. Опустел Зимний дворец, пробитый сквозь крышу снарядом с «Авроры». Бежали в неизвестность члены Временного правительства, влиятельные банкиры, знаменитые генералы... Исчезли с ободранных и грязных улиц блестящие экипажи, нарядные женщины, офицеры, чиновники, общественные деятели со взбудораженными мыслями. Все чаще по ночам стучал молоток, заколачивая досками двери магазинов. Кое-где на витринах еще виднелись: там — кусочек сыру, там — засохший пирожок. Но это лишь увеличивало тоску по исчезнувшей жизни. Испуганный прохожий жался к стене, косясь на патрули — на кучи решительных людей, идущих с красной звездой на шапке и с винтовкой дулом вниз, через плечо.

Северный ветер дышал стужей в темные окна домов, залетал в опустевшие подьезды, выдувая призраки минувшей роскоши. Страшен был Петербург в конце семнадцатого года.

Страшно, непонятно, неслыханно. Все кончилось. Все было отменено. Улицу, выметенную поземкой, перебежал человек в изодранной шляпе, с ведерком и кистью. Он лепил новые и новые листочки декретов, и они ложились белыми заплатками на вековые цоколи домов. Чины, отличия, пенсии, офицерские погоны, буква ять, бог, собственность и само право жить как хочется — отменялось. Отменено! Из-под шляпы свирепо поглядывал наклеивщик афиш туда, где за зеркальными окнами еще бродили по холодным покоям обитатели в валенках, в шубах, — заламывая пальцы, повторяли:

— Что же это? Что будет? Гибель России, конец всему... Смерть!..

Подходя к окнам, видели: наискосок, у особняка, где жило его высокопревосходительство и где, бывало, городской вытягивался, косясь на серый фасад, — стоит длинная фура, и какие-то вооруженные люди выносят из настежь распахнутых дверей мебель, ковры, картины. Над подъездом — кумачевый флажок, и тут же топчется его высокопревосходительство, с бакенбардами, как у Скобелева, в легком пальтишке, и седа голова его трясется. Выселяют! Куда в такую стужу? А куда хочешь... Это — высокопревосходительство-то, нерушимую точку государственного механизма!

Настает ночь. Черно — ни фонаря, ни света из окон. Угля нет, а, говорят, Смольный залит светом, и в фабричных районах — свет. Над истерзанным, простреленным городом воев вьюга, насвистывает

и уничтожил под Новочеркасском последний атаманский заслон.

Тогда атаман Каледин обратился к Дону с последним безнадежным призывом — послать казаков-добровольцев в единственное стойкое военное образование — в добровольческую армию, формируемую в Ростове генералами Корниловым, Алексеевым и Деникиным... Но на призыв атамана никто не отозвался.

29 января Каледин созвал в новочеркасском дворце атаманское правительство. В белом зале за полукруглым столом сели четырнадцать окружных старшин Войска Донского, знаменитые генералы и представители «московского центра по борьбе с анархией и большевизмом». Большого роста, хмурый, с висячими усами атаман сказал с мрачным спокойствием:

— Господа, должен заявить вам, что положение наше безнадежно. Силы большевиков с каждым днем увеличиваются. Корнилов отзывает все свои части с нашего фронта. Решение его непреклонно. На мой призыв о защите Донской области нашлось всего сто сорок семь штыков. Население Дона и Кубани не только не поддерживает нас — оно нам враждебно. Почему это? Как назвать этот позорный ужас? Шкурничество погубило нас. Нет больше чувства долга, нет чести. Предлагаю вам, господа, сложить с себя полномочия и передать власть в другие руки. — Он сел и затем прибавил, ни на кого не глядя: — Господа, говорите короче, время не ждет...

Помощник атамана, «донской соловей» Митрофан Богаевский, крикнул ему злобно:

— Иными словами — вы предлагаете передать власть большевикам?..

На это атаман ответил, что пусть войсковое правительство поступает так, как ему заблагорассудится, и тотчас покинул заседание, — ушел, тяжело ступая, в боковую дверь, к себе. Он взглянул в окно на мотающиеся голые деревья парка, на безнадежные снежные тучи, позвал жену; она не ответила. Тогда он пошел дальше, в спальню, где пылал камин. Он снял тужурку и шейный крест, в последний раз, словно не вполне еще уверенный, близко взглянул на военную

карту, висевшую над постелью. Красные флажки густо обступили Дон и кубанские степи. Игла с трехцветным флажком была воткнута в черной точке Ростова. И только. Атаман вытянул из заднего кармана синих с лампасами штанов плоский теплый браунинг и выстрелил себе в сердце.

Девятого февраля генерал Корнилов вывел свою маленькую добровольческую армию, — состоящую сплошь из офицеров, юнкеров и кадет, — обозы генералов и особо важных беженцев из Ростова за Дон, в степи.

Маленький, с калмыцким лицом, сердитый генерал шел в авангарде войск, пешком, с солдатским мешком за плечами. В одной из телег, в обозе, ехал, прикрытый тигровым одеялом, несчастный, больной бронхитом генерал Деникин.

За вагоном плыли бурые степи, оголенные от снега. В разбитое окно дул свежий ветер, пахнувший талой землей. Катя глядела в окно. Ее голову и грудь покрывал **оренбургский платок**, завязанный на спине узлом. Рошин, в солдатской шинели и рваном картузе, протянув ноги, дремал. Поезд шел медленно. Вот потянулись голые, с прижатыми ветвями, высокие деревья, густо обсаженные гнездами. Тучи грачей кружились над ними, раскачивались на сучьях. Катя придвинулась ближе к окну. Грачи кричали тревожно, дико — по-весеннему, так же, как кричали в далеком детстве, — о вешних водах, о туманах, о первых грозах.

Катя и Рошин ехали на юг, — куда? В Ростов, в Новочеркасск, в донецкие станции? Туда, где запутывался узел гражданской войны. Рошин спал, уронив голову, небритое лицо было обтянуто, жесткие морщины выступали у рта, сложенного брезгливо. И вдруг Кате стало страшно: это было не его лицо, — чужое, остроносое... В окно ветер нес крики грачей. Потряхиваясь на стрелках, медленно шел вагон. По грязному шляху, наискосок уходящему в степь, тянулись воза, — лохматые лошаденки, телеги, залепленные грязью, бородастые, чужие, страшные люди. Рошин затаил во сне не то храп, не то стон, хриповатый, мучительный.

Семену некогда было теперь и думать о доме, о жене. В октябре кончились прекрасные слова, заговорила винтовка. Враг был на каждом шагу. В каждом взгляде, испуганном, ненавидящем, скрытом, таилась смерть. Россия от Балтийского моря до Тихого океана, от Белого до Черного морей волновалась мутно и злое. Семен перекинул через плечо винтовку и пошел биться с «гидрой контрреволюции».

Рошин и Катя, с узелком и чайником, протискались через толпу на вокзале, вместе с человеческим потоком прошли через грозящую штыками заставу и побрели вверх по главной улице Ростова.

Еще полтора месяца тому назад здесь гулял, от магазина к магазину, цвет петербургского общества. Тротуары пестрели от гвардейских фуражек, шелкали шпоры, слышалась французская речь, изящные дамы прятали носики от сырой стужи в драгоценные меха. С непостижимым легкомыслием здесь собирались только перезимовать, чтобы к белым ночам вернуться в Петербург в свои квартиры и особняки с почтенными швейцарами, колонными залами, коврами, пылающими каминами. Ах, Петербург! В конце концов должно же все обойтись. Изящные дамы решительно ни в чем не были виноваты.

И вот великий режиссер хлопнул в ладоши: все исчезло, как на вертящейся сцене. Декорация переменилась. Улицы Ростова пустыньны. Магазины заколочены, зеркальные стекла пробиты пулями. Дамы припрятали меха, повязались платочками. Маленькая часть офицерства бежала с Корниловым, остальные с театральной быстротой превратились в безобидных мещан, в актеров, куплетистов, учителей танцев и прочее. И февральский ветер понес вороха мусора по тротуарам...

— Да, опоздали, — сказал Рошин. Он шел, опустив голову. Ему казалось — тело России разламывается на тысячи кусков. Единый свод, прикрывавший империю, разбит вдребезги. Народ становится стадом. История, великое прошлое, исчезает, как туманные завесы декорации. Обнажается голая, выжженная пустыня, — могилы, мо-

гилы... Конец России. Он чувствовал, — внутри его дробится и мучит колючими осколками что-то, что он сознавал в себе неизбежным, — стержень его жизни... Спотыкаясь, он шел на шаг позади Кати. «Ростов пал, армия Корнилова, последний бродячий клочок России, не сегодня — завтра будет уничтожена, и тогда — пулю в висок».

Они шли наугад. Рошин помнил адреса кое-кого из товарищей по дивизии. Но, быть может, они убежали или расстреляны? Тогда — смерть на мостовой. Он поглядел на Катю. Она шла спокойно и скромно в коротенькой драповой кофточке, в **оренбургском платке**. Ее милое лицо, с большими серыми глазами, простодушно оборачивалось на содранные вывески, на выбитые витрины. Уголки ее губ чуть ли не улыбались. «Что она, — не понимает всего этого ужаса? Что это за всепрощение какое-то?»

На углу стояла кучка безоружных солдат. Один, рябой, с заплывшим от кровоподтека глазом, держа серый хлеб подмышкой, не спеша отрывал кусок за куском, медленно жевал.

— Тут не разберешь — какая власть, чи советская, чи еще какая, — сказал ему другой, с деревянным сундучком, к которому были привязаны поношенные валенки. Тот, кто ел, ответил:

— Власть — товарищ Бройницкий. Добейся до него, даст эшелон, уедем. А то век будем гнить в Ростове.

— Кто он такой? Какой чин?

— Военный комиссар, что ли...

Подойдя к солдатам, Рошин спросил, как пройти по такому-то адресу. Один недоброжелательно ответил:

— Мы не здешние.

Другой сказал:

— Не во-время, офицер, заехал на Дон.

Катя сейчас же дернула мужа за рукав, и они перешли на противоположный тротуар. Там, на сломанной скамейке под голым деревом, сидел старик в потертой шубе и соломенной шляпе. Положив щетинистый подбородок на крючок трости, он вздрагивал. Из закрытых глаз его текли слезы по впалым щекам.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66